
ИДЕИ И ПРАКТИКА: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧКИ

В.С. АВДОНИН

ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ И НОРМАТИВНЫЕ ТЕОРИИ¹

Парадигмальный подход: Синтетическая версия

Проблема парадигм в политической науке возникала неоднократно. По сути, она сопровождает ее развитие постоянно, то обостряясь, то затухая, выражаясь в виде многочисленных дискуссий вокруг ее идей, методов, подходов и формируя сферу метатеоретической рефлексии этой дисциплины. В собственно парадигмальном ключе, т.е. с использованием понятия «парадигма», эта рефлексия стала развиваться с 70-х годов прошлого века после включения в научный оборот этого понятия, выдвинутого в работах Томаса Куна [Кун, 1975]. В его концепции парадигма представляет собой интегральное понятие, рассматривающее упорядоченное когнитивное содержание науки (научной дисциплины) в аспекте его конституирующего взаимодействия с формированием, функционированием и воспроизводством научных сообществ. Развитие науки представляется с этой точки зрения как революционная смена несовместимых парадигм, в ходе которой смена одного порядка когнитивного содержания науки другим сопровождается но-

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Разработка интеграционных методов и методик фундаментальных социально-гуманитарных исследований» (грант РФФИ № 13-06-00789).

вой институционализацией научных сообществ. В дальнейшем теория научных революций, предложенная Куном, подвергалась критике по ряду аспектов [Локатос, 1995; Фейреабенд, 1986, Tulmin, 1970 и др.], но понятие научной парадигмы в основном закрепилось и стало вполне применимым в исследованиях по истории, социологии, методологии и философии науки.

В рефлексии политической науки понятие парадигмы прослеживается во многих работах. В хорошо известной российскому читателю книге «Политическая наука: новые направления» ее авторы и редакторы Роберт Гудин и Ханс-Дитер Клингеманн говорят о формировании парадигмальности в политической науке уже на первых страницах [Политическая наука..., 1999, с. 29–68]. Они также упоминают о признаках парадигмального анализа политической науки у своих предшественников – в многотомном труде Ф. Гринстайна и Н. Полсби «Политическая наука: основные направления», вышедшем на 20 лет раньше [Handbook of..., 1975], и в ряде других работ, а также в обзорах и исследованиях, посвященных смежным дисциплинам (экономике, психологии и др.). Не менее заметен парадигмальный подход и в современных исследованиях, в том числе в многотомной серии «Мир политической науки», представляющей состояние и перспективы политической науки в начале XXI в. [World of political science, 2006–2012].

При этом следует отметить, что в большинстве этих работ куновская трактовка парадигмы и парадигмальности определенным образом модифицируется. Кун в основном писал о доминирующих парадигмах в науке, которые скрепляют научное пространство дисциплин и обеспечивают их воспроизводство, конкурируя и вытесняя на периферию другие парадигмальные основания. Но в социальных науках вообще и в политической науке в частности положение иное. Маттеи Доган, например, пишет, что говорить о доминирующих или господствующих парадигмах в социальных науках и политологии неприемлемо, так как в них изначально присутствуют и развиваются несколько парадигм. Понятие «парадигма», по его мнению, к политической науке можно применять «лишь в кавычках», ибо фактически оно означает присутствие там множества «парадигм» [Доган, 1999, с. 120–122].

Близко к этому рассуждают и Гудин, и Клингеманн, обосновывая тезис о «полипарадигмальности» современной политической

науки. Правда, они при этом считают целесообразным и использование минималистского понятия «парадигма» для характеристики политологии как научной дисциплины по критериям профессионализма, компетентности, а также наличия некоего базового («парадигмального») компендиума знаний, разделяемых всем дисциплинарным сообществом [Политическая наука..., с. 40–45]. С точки зрения этого минималистского понимания «парадигма» скрепляет дисциплинарное сообщество, позволяет ему сохраняться и развиваться, но также и ограничивает его от того, что находится за его пределами. «Вход» в сообщество ограничен по критериям профессионализма и компетентности, предполагающим освоение, пусть и критическое, базового («парадигмального») комплекса знаний, навыков, норм и принципов их трансляции и воспроизводства.

Таким образом, в этой версии современная политическая наука «парадигмальна». Но она также и «полипарадигмальна», так как включает множество предметных и методологических субдисциплинарных комплексов, имеющих те или иные признаки парадигм и ведущих к высокой дифференциации и рыхлости всего дисциплинарного пространства. Эта сторона для многих также очевидна. Синтез парадигм складывается в политической науке далеко не просто. Различные парадигмы конкурируют и сталкиваются друг с другом, вступая в том числе и в конфликтные отношения, что побуждает вновь и вновь обращаться к поиску синтеза этих внутренних «парадигм» с помощью оптики различных подходов.

Парадигмы научности: От позитивизма к постпозитивизму

Для дальнейшего рассмотрения вопроса целесообразно сделать некоторое отступление в сферу философии и методологии науки, так как при множестве особенностей внутридисциплинарных парадигм политической науки важным сквозным моментом их дифференциации, на наш взгляд, остается, а в чем-то и актуализируется, различие в представлениях о науке и научности в сфере познания политического. На языке исследований науки эта проблематика может быть выражена как проблема «сильной» и «слабой» версий научности («научного стандарта») или в какой-то мере

как проблема эксплицитной или имплицитной конкуренции неопозитивистских и постпозитивистских подходов.

Эта конкуренция затронула наиболее развитый тематический контекст философии науки, традиционно ориентированный на изучение и разработку образцов и критериев научной рациональности с точки зрения их предпосылок, содержания, структуры, путей и способов достижения достоверного знания. В рамках этой тематики интересы исследователей первоначально были сосредоточены на эмпирическом познании в науке, на его природе, условиях, роли в обосновании научного знания. Затем акцент переместился на изучение роли теоретического познания, его структуры, видов, статуса, способов отношения с эмпирией и др. В какой-то момент повышенное внимание стало уделяться проблематике дедуктивного обоснования научного знания в аспекте его верификации и фальсификации [Канке, 2008].

На базе этой проблематики ко второй половине XX в. сформировался комплекс знаний и представлений о современной науке, который получил впоследствии определение «позитивистской» или «неопозитивистской» (вариант: «сциентистской») парадигмы. В ее рамках было представлено множество альтернативных подходов, выдвигавших на первый план различные аспекты и проблемы научного знания и варианты их решения, а также весьма критично относившихся друг к другу. Но их общим моментом было представление о некоем «стандарте» научности, включающем ряд базовых положений: сводимость научных знаний к эмпирическому базису и эмпирической верификации; универсальная рациональность научного метода и принцип элиминации субъективности [Erkenntnis Orientated, 1991].

С этой точки зрения всякое научное знание основано на эмпирическом определении реальности и ее логическом осмыслении. Лишь эмпирически наблюдаемое и измеримое поддается осмыслению с позиций истинного или ложного, поскольку лишь в этом случае мысленное может быть сопоставлено с фактическим и, таким образом, опровергнуто или подтверждено. В дальнейшем это, правда, стал отрицать Поппер, опираясь на Юма и доказывая, что эмпирия не может быть критерием верификации, так как не обладает статусом логического подтверждения. Она может лишь опровергать, обладая свойством логического опровержения [Popper,

1983; Поппер, 1983]. Связь эмпирического и мысленного обеспечивается посредством гипотез (гипотетических утверждений) относительно регулярно повторяющегося в наблюдениях, которые могут при определенных условиях трансформироваться в «законы» (номологические утверждения) относительно эмпирической действительности. Логически организованная совокупность таких утверждений образует теории, позволяющие «объяснять» эмпирическую действительность и предсказывать ее состояния [Гемпель, 1998; Hempel, 1965; Carnap, 1968].

Разумеется, доминирование этой парадигмы в теории и философии науки никогда не было полным и всеохватывающим. Параллельно существовали и другие варианты парадигмальных представлений о науке, восходящие к неокантианству, феноменологии, марксизму и др. Но они не играли определяющей роли. Позитивистская парадигма, возможно, в силу ее близости к сообществу ведущих ученых, создававших науку XX в., была наиболее влиятельной.

Но постепенно господство этой парадигмы стало сталкиваться с проблемами, на которые указали тот же Кун, Поппер, Локатос, Фейерабенд и др. В какой-то мере это было обратной стороной ее влияния. С одной стороны, распространение позитивистского стандарта научности на все новые предметные области исследований ставило новые вопросы и порождало новые проблемы, стимулирующие ее критическую рефлексию. С другой стороны, углублялся философский анализ ее онтологических и гносеологических оснований, расширялось исследование ее социальных, исторических, культурных контекстов и предпосылок. В итоге это привело к расширению и переформатированию проблематики анализа науки, к расширению методов ее изучения и формированию так называемой постпозитивистской парадигмы.

Вряд ли ее существо можно определить как радикальный разрыв, в духе Куна, с прежней парадигмой. Скорее, его можно представить как более гибкое, расширенное и в то же время более углубленное и многоаспектное понимание стандарта научности, принятого в предшествующей парадигме. Сама эта проблематика из исследований науки никуда не ушла, а, по сути, расширилась и даже укрепилась, пройдя через горнило критики и тестирование в новых предметных областях, прежде всего социально-гуманитарного знания. Постановка многих традиционных проблем эмпирического

и теоретического знания, проверки и обоснования научного знания, его накопления и развития обновилась в новых контекстах и форматах, включающих исторические, социальные, дискурсивные, культурные измерения [Огурцов, 1995; Gilbert, Mulkey, 1984].

Проекции постпозитивизма на политическую науку

В какой-то мере процессы становления полипарадигмальности в политической науке можно сравнить с тем, что происходило в рамках «постпозитивистского поворота» в философии науки. Как и там, здесь имело место переосмысление рамок и границ «жесткого» научного стандарта, повлекшее сближение различных представлений о научности и поиски их возможного синтеза. В частности, это открыло путь к включению в «парадигмальный каркас» политической науки знаний и подходов нормативно-онтологического типа, которые ранее наталкивались на проблему «демаркации», связанную с «жестким» представлением о научном знании, а следствием неприятия нормативных политических теорий в лоно политической науки было их взаимное отчуждение и автономия.

Хотя фактически и тот и другой типы знаний о политике существовали и до становления современной полипарадигмальности в политической науке. Более того, тот тип знаний о политике, который мы называем нормативно-онтологическим, возник и существовал задолго до современной политической науки в образе философско-политических или историко-политических учений прошлого. Но в ходе формирования собственно политической науки и первых этапов становления ее дисциплинарной парадигмы этот тип знания оказался как бы вне научного пространства [Бэрри, 1999].

Основное внимание было направлено на создание эмпирической базы науки и развитие эмпирических теорий, что в методологическом плане стимулировало усвоение сциентистской парадигмы. Это понимание научности появилось и закрепилось в политической науке в период «поведенческой революции» середины прошлого века и развивалось на фоне бурного роста эмпирических исследований политики [Finifter, 1983]. Затем оно получило дополнительный импульс в условиях развития логических исследований современной науки и применения в изучении политики сис-

темных теорий [Easton, 1965; Luhman, 1984 и др.]. Методология эмпирических исследований политики была дополнена системным подходом и развитием логико-аналитической и формальной методологии исследований.

На этом фоне политическая философия, связанная с нормативно-онтологическим типом знаний, оставалась вне этих процессов. Тем более что сциентистская парадигма актуализировала проблему «демаркации» в плане исключения из науки и научной рациональности философской метафизики. В этих условиях нормативно-онтологическое знание не находило места в политической науке и развивалось относительно автономно от нее, в рамках политической философии и истории политических учений [Парех, 1999].

Здесь можно отметить еще одно обстоятельство, связанное с доминированием в политической науке американских исследовательских подходов, для которых была характерна ориентация на сциентистскую парадигму научности и ее применение к исследованиям политики. В континентальной Европе картина была более сложной. Здесь нормативно-онтологическое осмысление политики имело более прочные традиции и оказывало более активное влияние на формирование политической науки, размывая жесткие границы [Berndtson, 2012]. Но проблема сложных отношений политической философии и науки проявлялась и там, учитывая экспансию стандартов американских политических исследований во многих европейских странах.

Ситуация стала меняться, когда не только в Европе, но и в Америке возникла тенденция к критике и пересмотру сциентистских и неопозитивистских стандартов научности, к расширению и реформатированию проблематики анализа научного знания в духе упомянутой выше постпозитивистской парадигмы. В политической науке это создало условия для ее более тесного взаимодействия со знаниями нормативно-онтологического типа, что привело к усилению интереса к политической философии, ее проблематике и выводам. И важным моментом здесь, как отмечают многие исследователи [Парех, 1999; Бэрри, 1999], была публикация работы Джона Роулза «Теория справедливости» [Rowls, 1971]. Она показала, что и в самой сфере политической философии происходили изменения. Этот тип знаний избавлялся от спекулятивного философствования, адаптировался к эмпирической политической науке, сближался с

политической практикой в традициях практической философии, расширял арсенал методов эмпирического анализа. Результатом сближения стало включение нормативно-онтологических теорий в общую синтетическую или, как охарактеризовал ее более критично Алмонд [Алмонд, 1999], «эkleктическую» парадигму современной политической науки.

Проблемы и возможности нормативных теорий

Тем не менее проблемы, связанные с включением этого типа знания в политическую науку, продолжают сохраняться и обсуждаться в работах методологического характера [Trent, 2012; Stein, 2012 и др.].

Считается, что главной характеристикой нормативного типа знания является его нацеленность на формирование норм или ориентаций для практической деятельности, и эта сверхзадача определяет всю его структуру. Оно должно быть построено так, чтобы открываемые им истины приобретали нормативное измерение, играли роль морально-этических регуляторов действий. Степень предписываемой этим знанием обязательности действия может быть различной и зависеть от многих его аспектов, но само это «предписание» в нем, так или иначе, присутствует.

Теоретическое строение нормативного знания, как правило, предполагает онтологическое представление о реальности, включающее иерархию форм бытия, в котором высшие формы «не редуцируются» к низшим через причинно-следственные объяснения. Некая «высшая» реальность или рациональность существует «нередуктивно» и при этом способна задавать, подобно платоновской «эманации», ориентиры для действий людей [Vögelin, 1977]. В политической науке эти теории предполагают существование в этой «высшей» реальности некоего порядка, оказывающего влияние на организацию совместной жизни людей, в том числе и в сфере политики. Он может восприниматься людьми, поддаваться рациональному осмыслению и служить импульсом и ориентиром для действий в политике по осуществлению этого «высшего» порядка в политической организации общества [Höffe, 2008].

Наряду с онтологией, осмысливающей строение форм бытия, в структуре нормативных теорий в эксплицитном или имплицитном виде содержатся также и антропологические представления о природе человека. Осмысливаются ее сущность (конфликтная, злая, миролюбивая и т.д.), потенциал ее изменчивости путем различных воздействий, а также проблематика соответствия политической структуры характеру и сущности этой природы. В них также содержится и этика политических действий, позволяющая оценивать их с позиций «общего блага», «должного», «правильного» [Wissenschaft., 1990].

Современное нормативно-онтологическое знание, как правило, избегает абстрактных спекуляций. Оно представляет собой систему правил этико-моральной ориентации практических действий, оно не чуждо эмпирическому исследованию и содержит механизмы адаптации к эмпирической науке, а также к требованиям логической непротиворечивости и обоснования. Вместе с тем научные истины нормативных теорий в политической науке имеют в качестве составных элементов также практический опыт, культуру, конвенции и др. [Beume, 2000].

К слабостям нормативных теорий обычно относят сложность рационального обоснования нормативного знания или обоснования «должного», так как оно базируется не на рациональных, а на моральных, аксиологических аргументах, которые плохо поддаются квантификации в современной эмпирической науке. Способом их верификации является не эмпирическая проверка и указание на реально существующее, а ссылка на «высший смысл», «природу человека» или представление об «общем благе». Это вносит в познание «должного» иррациональные компоненты и ослабляет его логические обоснования, а отсутствие строгой логики не позволяет утвердить автономию метода. Поэтому нормативные теории, как правило, ориентируются на интерпретативное и контекстное понимание изучаемых предметных областей, чем пытаются компенсировать слабость логического обоснования нормативности, заменяя его интерпретациями и контекстными объяснениями долженствования в конкретных обстоятельствах [Beume, 2002].

С другой стороны, контекстная интерпретация общих норм, призванная компенсировать недостаток их логического обоснования, составляет и определенное преимущество нормативно-онтологических теорий. Они оказываются ближе к актуальной и злобо-

дневной политической реальности, к конкретным обстоятельствам политических событий.

Еще одна их характерная особенность – критическое изучение действительности с позиций должного. Знание о реальности направляется на ее критику в комбинации эмпирических фактов и нормативных суждений. Юрген Хабермас предложил разделять в этом аспекте нормативные и критические теории, полагая, что первые критикуют действительность лишь для усовершенствования уже существующего и лишь вторые – подлинно критические – содержат критику, ведущую к изменению действительности в русле человеческой эмансипации [Habermas, 1999]. Он также отмечал еще один аспект критических теорий, отличающий их от нормативных. Они критикуют действительность, исходя не из общих норм, пребывающих над человеком и историей, а исходя из условий, возникающих в самой истории в силу определенных обстоятельств [Хабермас, 2011].

Но эта позиция разделения нормативных и критических (критико-диалектических) теорий поддерживается далеко не всеми [Honneth, Joas, 1986]. В связи с этим указывается, что данное разделение базируется на политических критериях, так как сторонники нормативных и критических теорий придерживаются, как правило, разных политических позиций. Но по типу знания, представленного в их теоретических построениях, они могут быть причислены к блоку нормативно-онтологических теорий. Тем более что обе группы объединены и общим критическим отношением к неопозитивистской парадигме «жесткой» науки.

Одна из известных типологий нормативно-онтологических теорий была предложена Дольфом Штернбергером в работе «Три корня политического» [Sternberger, 1978]. В какой-то мере его позиция была ответом на теорию политики Карла Шмитта в его знаменитой работе 1932 г. «Понятие политического», где Шмитт построил онтологию политики на основе «последнего различения» политического, состоявшего в оппозиции «друг – враг» или «свой – чужой» [Schmitt, 1963]. По Шмитту, вся политика строится вокруг этого онтологического базисного различения, из которого, так или иначе, вытекают все явления политического. Штернбергер предложил другую онтологию: политика в своем последнем существе – это мир или построение мира. Из этого определения вытекал и критерий его типологии нормативно-онтологических теорий политики. Он заключается в способе

их отношения к конфликтам. С этой точки зрения все исторические и современные теории политики можно разделить на три типа: те, которые ориентируются на урегулирование конфликтов, те, которые ориентируются на подавление конфликтов, и те, которые ориентируются на полное устранение конфликтов. В истории политической мысли они восходят к трем фигурам: Аристотелю, Макиавелли и Августину, каждый из которых символизирует одну из этих традиций. Аристотелевскую традицию Штернбергер называет «антропологической», вытекающей из интересов, разума и естественной природы людей и направленной на конституционно-правовое регулирование конфликтов. Традицию Макиавелли он называет «демонологической», поскольку речь в ней идет о специальных искусственных конструктах и технологиях властвования, устремленных к подавлению конфликтов и возникающих для власти угроз. Августин символизирует «эсхатологическую» традицию построения на земле «Божьего града», в принципе устраняющего все конфликты и уродства земного мира. Из каждой традиции вытекает и своя политическая антропология, и своя политическая этика с представлениями о «правильном» и «неправильном», «добром» и «злом» в политике. В современности наследником Аристотеля выступает традиция Просвещения и либерализма, наследником «эсхатологической» традиции – теория Маркса, а в политике – Ленин, провозгласившие построение «земного рая» – коммунизма. А к наследникам «демонологической» или макиавеллистской традиции относится, в частности, и теория Карла Шмитта, аффилированная в какой-то мере с политической практикой разрушения демократии в Третьем рейхе. Штернбергер был также известен как один из авторов концепции «конституционного патриотизма», получившей распространение в ФРГ и носившей нормативный характер.

В современных условиях для эффективного отношения нормативных теорий с эмпирической наукой требуется разработка таких методов интерпретации данных, с помощью которых можно было бы применять упорядочивающие процедуры измерения к нормативной проблематике. Анализ нормативно-онтологического типа знания в политической науке и проблемы его сближения с эмпирико-аналитическим заключается сегодня не в их сохраняющемся иррационализме и в проблеме рациональности их обоснований, а в проблеме измеримости их эмпирической базы, в недостаточной строгости методов [Muehleisen, 1995; Вельцель, 2004; Patzelt, 2013].

«Драйверы» синтеза

Вопросы синтеза парадигм, таким образом, продолжают оставаться актуальными и привлекать внимание исследователей. И важным их аспектом является методологическая проблематика, в рамках которой могут быть проанализированы те тематические «поля» или «сюжеты», где взаимодействие парадигм и, следовательно, становление полипарадигмальности политической науки имеют наибольшие достижения и перспективы. Речь идет о методологических сюжетах, выступающих своего рода «драйверами» синтеза парадигм.

И здесь хотелось бы привлечь внимание к проблематике, связанной с методологическими аспектами теорий «рационального выбора» – одной из наиболее активно развивающейся области политологического знания. И объяснить это можно следующим.

В хорошо известной российскому читателю схеме видного исследователя политических теорий Клауса фон Байме [Байме фон, 1999, с. 500] теоретические построения политической науки представлены в двухмерном аналитическом пространстве. «Измерения» в нем образованы уровнями абстрактности различных теорий и их методологическими подходами, ориентированными соответственно либо на акторов, либо на структуры (системы). Это пространство автор характеризует как пример «единой дисциплины», теоретическое развитие которой тяготеет к двум полюсам – индивидуализирующему изучению акторов и абстрагирующему изучению систем. Поэтому для поддержания интеграции этого «разбегающегося» пространства столь важны теории «среднего уровня», помогающие «стягивать» его между полюсами. С этим, в частности, связывается и успешное развитие теорий «рационального выбора» в политической науке [Байме фон, 1999, с. 501–502].

Их роль в качестве «драйверов» синтеза разновекторного теоретико-методологического пространства политической науки вытекает из целого ряда их методологических и эвристических свойств. Прежде всего, это активное использование дедуктивных методов и формальных моделей, что радикально расширяет спектр их применения практически по всему полю политических исследований различных уровней, привнося в них «объяснения» с позиций акторной теории. При этом их методы анализа сближают по-

литическую науку с «жестким» стандартом научности, что укрепляет ее статус «строгой» научной дисциплины в кластере социальных наук. В то же время теории рационального выбора отталкиваются от уровня «актора, принимающего решения», что демонстрирует их связь и преемственность с «поведенческой» парадигмой политологии предшествующего этапа. Но само понятие об «акторах» в них радикально меняется, представляя абстрактные конструкции, весьма далекие от реальных действующих в политике личностей.

С нормативно-онтологическими теориями, включенными в парадигму политической науки, теории рационального выбора также находят определенные точки соприкосновения. Хотя во многих отношениях их позиции и остаются трудновосместимыми. Общность же обнаруживается, прежде всего, в проблематике социального (политического) действия и его регуляции, которая занимает в них центральное место. При этом в нормативных теориях принцип нормативной регуляции трактуется в ценностном и моральном плане, а в теориях рационального выбора нормы и правила действий понимаются в ценностно-нейтральном смысле, как формальные прагматические регуляторы предпочтительности принимаемых решений [Elster, 1989; Сморгунов, 2002]. Здесь очевидна «редукция» акторов к абстрактным конструкциям «носителей предпочтений», а не личностям и коллективам как носителям норм и ценностей. На этой почве и разворачивается большинство дискуссий сторонников и противников соответствующих теорий [Hardin, 1988; Ullman-Margalit, 1977].

При этом теории рационального выбора, как правило, включающие в себя теории социального выбора и теории стратегических взаимодействий, имеют на фоне этих дискуссий определенное преимущество. Созданные с помощью их методов формальные объяснительные модели политических действий распространяются на все новые исследовательские области и наборы проблем, поддерживая и укрепляя в известной мере единство всей дисциплины. Нормативные теории столь строгой и квантифицированной формальной методологией не обладают и больше связаны с традиционным способом анализа проблем, ориентированным на реальность и специфику исследуемых областей, что затрудняет их субдисциплинарную мобильность. Круг их проблематики остается более традиционным.

В то же время в складывающемся положении отмечаются и проблемы. В монографии Джона Трента и Михаэля Штайна статус теорий рационального выбора с их развивающимися и распространяющимися формальными моделями в качестве «драйвера» парадигмального синтеза в политической науке принимается с большим скепсисом [Trent, Stein, 2012]. Синтез идет далеко не безоблачно, о чем свидетельствовало, например, «движение за перестройку», возникшее в американской политической науке в 2000-е годы. По существу, оно было направлено против чрезмерного, по мнению ряда ученых, доминирования в дисциплинарном сообществе американской политической науки формализованных подходов, связанных с теориями рационального выбора [Stein, 2012, p. 79–83].

Отмечается и такое своеобразное обстоятельство, как «забегание методологического развития» в политической науке. Оно объясняется быстрым развитием в последние годы методов формальных и количественных исследований и их внедрением в новые предметные области. Результаты при этом оказываются не вполне адекватными, так как круг приоритетной исследовательской проблематики в рамках этих подходов выглядит достаточно далеким от реальных политических проблем. Наука в этом смысле как бы расходится с жизнью. Выход здесь видится в дальнейшем развитии теории, в том числе тех ее компонентов, которые касаются теории рационального выбора. Предполагается, что ее рационалистические компоненты должны быть поставлены в «более широкий реалистический формат», чтобы получать более адекватную и связанную с реальными проблемами интерпретацию. Дальнейшее развитие политической теории в этом «реалистическом» формате предполагает и ее распространение на новые домены (сферы) исследований (например, историю и религию) в более адекватном их содержанию режиме, корректирующем формальные конструкты «стратегически взаимодействующих акторов» [Trent, 2012, p. 155–178].

В этих условиях нормативные подходы получают свой шанс также выступить в роли «драйверов» синтеза. При этом они должны быть существенно обновлены и дополнены арсеналом эмпирических методов, что повысит их адекватность в исследовании ценностно-ориентированного политического действия в разнообразных исторических, культурных и социальных контекстах. За ними тогда может стоять и обоснование общих ценно-

стей, ведущих к преодолению разрывов между «должным» и существующим бытием глобализирующегося мира.

Список литературы

- Алмонд Г.* Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления. – М.: Вече, 1999. – С. 69–112.
- Бэрри Б.* Политическая теория: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. – М.: Вече, 1999. – С. 507–526.
- Вельцель Х.* Научно-теоретические и методические основы политической науки // Методические подходы политологического исследования и методологические основы политической теории. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 107–132.
- Гемпель К.Г.* Логика объяснения. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. – 240 с.
- Доган М.* Политическая наука и другие социальные науки // Политическая наука: новые направления – М.: Вече, 1999. – С. 113–148.
- Канке В.А.* Основные философские направления и концепции науки. – М.: Логос, 2008. – 400 с.
- Карнап Р.* Философские основания физики. Введение в философию науки. – М.: Прогресс, 1971. – 390 с.
- Кун Т.* Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1975. – 288 с.
- Лакатос И.* Методология научных исследовательских программ // Вопросы философии. – М., 1995. – № 4. – С. 134–154.
- Лакатос И.* История науки и ее рациональная реконструкция // Структура и развитие науки. – М., 1978. – С. 203–269.
- Огурицов А.П.* Аксиологические модели в философии науки // Философские исследования. – М., 1995. – № 1. – С. 7–36.
- Парех Б.* Политическая теория: политико-философские традиции // Политическая наука: новые направления. – М.: Вече, 1999 – С. 478–494.
- Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клинеманна. – М.: Вече, 1999. – 816 с.
- Поппер К.* Объективное знание. Эволюционный подход / Пер. с англ. Д.Г. Лахути. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 384 с.
- Поппер К.Р.* Логика и рост научного знания. Избр. работы / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1983. – 605 с.
- Сморгунов Л.В.* Соотношение философии и науки в современном политическом познании // Россия и политические вызовы XXI века. Второй всероссийский конгресс политологов. – М.: РОСПЭН, 2002. – С. 638–641.
- Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986. – 542 с.
- Хабермас Ю.* Между натурализмом и религией. Философские статьи. – М.: Весь мир, 2011. – 336 с.

- A new hand book of political science / Ed. by Goodin R.E., Klingemann H.-D. – Oxford: Oxford univ. press, 1996. – 845 p.
- Beyme K. von* Die politische Theorie der Gegenwart: Eine Einführung. – Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2000. – 359 S.
- Beyme K. von* Politische Theorien im Zeitalter der Ideologien: 1789–1945. – Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2002. – 1001 S.
- Berndtson E.* European political science (s): Historical roots of disciplinary politics // The world of political science: A critical overview of the development of political studies around the globe: 1990–2012 / Trent J., Stein M. (eds.). – Opladen; Farmington Hills: Barbara Budrich Publishers, 2012. – P. 41–66.
- Carnap R.* Logische Syntax der Sprache. – Wien, New York: Springer-Verlag, 1968. – 274 p.
- Easton D.* A systems analysis of political life. – New York: Wiley, 1965. – 507 p.
- Elster J.* The cement of society. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1989.
- Erkenntnis orientated: a centennial volume for Rudolf Carnap and Hans Reichenbach / Ed by Wolfgang Spohn. – Dordrecht Boston, Kluwer Academic Publishers, 1999. – 471 p.
- Gilbert G.N., Mulkay M. Opening Pandora's box: a sociological analysis of scientists' discourse. – Cambridge, 1984. – 202 p.
- Habermas J.* Wahrheit und Rechtfertigung. Philosophische Aufsätze. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verlag, 1999. – 336 S.
- Handbook of political science / Greenstein F.I., Polsby N.V. – Reading, MA: Addison-Wesley, 1975. – Vol. 1–8. – 576 p.
- Hardin R.* Morality within the limits of reason. – Chicago: – Univ. of Chicago press, 1988. – 234 p.
- Hempel C.G.* Aspects of scientific explanation and other essays in the philosophy of science. – New York, London: Free Press, 1965. – 505 p.
- Honneth A., Joas H.* Einleitung // Kommunikatives Handeln / Hrsg. von Honneth A., Joas H. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1986. – S. 3–13.
- Höffe O.* Praktische Philosophie: Das Modell des Aristoteles. – Oldenbourg: Akademie Verlag, 2008. – 192 S.
- Luhmann N.* Die Wissenschaft der Gesellschaft. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2009. – 732 S.
- Luhman N.* Soziale Systeme: Grundriss einer allgemeinen Theorie – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1984. – 674 S.
- Mühlisen H.-O.* Normative Theorien der Politik // Lexikon der Politik. Hrsg. von D. Nohlen. – Bd. 1. Politische Theorien. – München: Verlag C.H. Beck, 1995. – S. 369–383.
- Patzelt W.J.* Einführung in die Politikwissenschaft. – 7. Aufl. – Passau: Wissenschaftsverlag Richard Rothe, 2013. – 344 S.
- Political science: the state of discipline / Ed. by Finifter A.W. – Washington, DC.: The American political science ass., 1983. – 614 p.
- Popper K.R.* The logic of scientific discovery. – London: Hutchinson, 1983. – 480 p.
- Rawls J.* A theory of justice. – Cambridge: Harvard univ. press, 1971. – 607 p.
- Schmitt C.* Der Begriff des Politischen: Text von 1932 mit einem Vorwort und drei Corollarien. – Berlin: Duncker & Humblot, 1963. – 124 S.

- Stein M.* Is there a genuinely international political science discipline? An overview and assessment of recent views on Disciplinary historical trends // The world of political science: A critical overview of the development of political studies around the globe: 1990–2012 / Trent J., Stein M. (eds.). – Opladen; Farmington Hills: Barbara Budrich Publishers, 2012. – P. 67–90.
- Sternberger D.* Drei Wurzeln der Politik. – Frankfurt am Main: Insel, 1978. – 444 S.
- The world of political science: A critical overview of the development of political studies around the globe: 1990–2012 / Trent J., Stein M. (eds.). – Opladen; Farmington Hills: Barbara Budrich Publishers, 2012. – 188 p. – (The world of political science – The development of the discipline).
- Toulmin S.* Does the distinction between normal and revolutionary Science hold Water? // Criticism and growth of knowledge. – Cambridge, 1970. – P. 39–47.
- Trent J.* An Essay on the present and future of political studies 2012 // The world of political science: A critical overview of the development of political studies around the globe: 1990–2012 / Trent J., Stein M. (eds.). – Opladen; Farmington Hills: Barbara Budrich Publishers, 2012. – P. 155–178.
- Trent J.E.* Issues and trends in political science at the beginning of the 21 ST Century: Perspectives from the world of political science book series // The world of political science: A critical overview of the development of political studies around the globe: 1990–2012 / Trent J., Stein M. (eds.). – Opladen; Farmington Hills: Barbara Budrich Publishers, 2012. – P. 91–155.
- Ullman-Margalit E.* The emergence of norms. – Oxford: Clarendon press, 1977. – 206 p.
- Voegelin E.* Die neue Wissenschaft von der Politik. – Salzburg: Stifterbibliothek im Univ.-Verl. Pustet, 1977. – 270 S.
- Wissenschaft, Theorie und Philosophie der Politik / Hg. Haungs P. – Baden-Baden: Nomos, 1990. – 334 S.
- World of political science. The development of the discipline book series / Ed. by Michael Stein and John Trent; Research committee 33 of the International political science association (IPSA), – Opladen; Leverkusen (Germany): Verlag Barbara Budrich, 2006–2012.